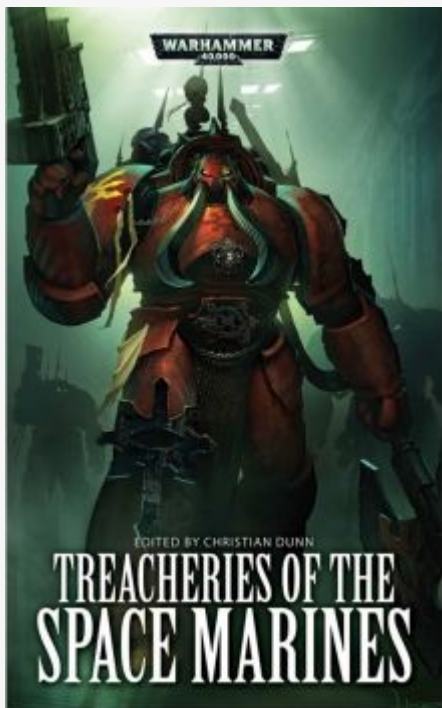


Освободитель / Liberator (рассказ)

WARPFROG

Гильдия Переводчиков Warhammer

Освободитель / Liberator (рассказ)



Автор	Джонатан Грин / Johnathan Green
Переводчик	Летающий Свин
Издательство	Black Library
Входит в сборник	Предательства Космического Десанта / Treacheries of the Space Marines
Год издания	2012
Подписаться на обновления	Telegram-канал
Обсудить	Telegram-чат
Скачать	EPUB , FB2 , MOBI
Поддержать проект	

Стоит отметить, что дезертирство в рядах великих Адептус Астартес случается крайне редко. Впрочем, как бы больно мне ни было писать эти строки, прецеденты все же имеют место. Те, кто изучал труды Бельтешаззара и мастера Флавия Виктора могут перешептываться о темных днях Великой Ереси, но с огромной неохотой мне все же придется предоставить свидетельства того, что это не единственный случай братоубийственной войны, когда космические десантники пытались

разрушить славный Имперуум Человека, с непосильным трудом созданный ими в минувшие времена.

Подсчитано, что на каждый из миллиона миров Имперуума приходится по одному космическому десантнику, и этого, казалось бы, незначительного количества достаточно, чтобы защитить человечество от коварства чужаков, еретиков и сил варпа. Но хватит ли их, если хотя бы один из братьев отвернется от света Правды Императора и подобно безумцу набросится на своих товарищей?

Поэтому я призываю вас, неважно, ученик вы ордоса, высокопоставленный дознаватель или даже лорд-милитант Благословенной Инквизиции Его Императорского Высочества, пристально следите за отпрысками примархов, гордыми воинами Адептус Астартес, ибо только один Император безгрешен.

Из трактата Quis Custodiet Ipsos Angeles Mortes? Гидеон Лорп, инквизитор, Ордо Еретикус

УСТРАНЕНИЕ

Он всегда знал, что рано или поздно этот день придет.

Небеса Константиума - цвета сырого мяса, облака - багровые, словно свежeproлитая кровь или раскаленное железо, их озаряют пожары, бушующие в старом квартале Экклезиархии в Сиртусе. Великий Собор, освященный теперь в честь Константина Освободителя - величественное здание в честь неумных стремлений единственного человека, размерами с целый городской район - горит.

Небо цвета сырого мяса прошито черными следами десантных капсул, снижающихся «Громовых ястребов» и зенитного огня. В воздухе витает запах пылающих прометиевых заводов и приторный аромат смерти.

Он оборачивается к стоящему рядом Иконоборцу из почетной гвардии. Окаймленные золотом доспехи воина покрыты вмятинами и шрамами от сражений, в которых ему довелось участвовать за минувшие годы. В некоторых местах броня настолько иссечена, что под золотыми и красно-черными цветами проступили проблески синего и белого - отголосок того, кем когда-то был воин; тех, кому он когда-то служил.

- Брат Маймон, - обращается он к Иконоборцу, - скажи мне, кто идет к нам с мечом и огнем, с молотом и болтером. Иконоборец пристально всматривается в приближающиеся корабли, эзотерические системы визора захватывают падающую, маневрирующую машину. Сетка прицеливания фокусируется на символах ордена, выведенных на раскалившемся от вхождения в атмосферу корпусе, и увеличивает метки и инсигнию Адептус Астартес. Иконоборец видит латунно-серый крест на фоне черного щитка.

Освободитель без шлема, как всегда с того самого дня, когда обрел титул и освободил Нова Терру, как в прошлом называлась планета; когда люди взирали на лицо своего спасителя и видели в нем могучего ангела мщениа, которым он был - ангела мщениа, которым он остается.

- Железные Рыцари, мой лорд, - отвечает Иконоборец Маймон, голос его разносится гулким рычанием.

- Железные Рыцари? - Освободитель смеется. - Что ж, поглядим, какое железо справится с доспехами праведности. Уставшим взглядом он осматривает разбитые стены бастиона у себя за спиной. После тринадцати лет войны с Имперуумом у него осталось лишь непокорство и презрение к больной Империи

человечества.

С момента, когда он отринул обеты братства и подчинения, Константин знал, где-то глубоко в душе, что этот день однажды наступит. Не начини он погром на остальных мирах Виридисского субсектора, возможно, возмездие пришло бы не так скоро, но все же оно было неизбежным. Этот день был столь же неотвратимым, как гнев Ложного Императора.

Он отворачивается от бреши, пробитой в феррокритовых стенах бастиона – разлома высотой в сотню метров, его сплавившиеся от жары края похожи на потекший грим – и смотрит на нижние уступы твердыни. Горит почти весь Сиртус. Столица выглядит так же, как много лет назад, когда он освободил этот мир, вот только тогда он предал жителей города мечу и поджег улицы. Константин медленно переводит взгляд на озаряемый огненной бурей силуэт Великого Собора.

Золоченое сооружение со строгими очертаниями, стоящее перед разрушенной базиликой, словно движется в мареве пожара. Одну минуту циклопическая статуя улыбается людям Сиртуса, в следующую она уже разъяренное божество, ее лицо – маска ненависти к высокомерным захватчикам, которые осмелились посягнуть на то, что принадлежит ему по праву, на то, ради чего он так долго боролся и с таким трудом обрел. На то, что он получил благодаря огромной личной жертве – величайшей из всех, на которые когда-либо шли в Константиинуме.

На узких улочках между многоквартирными зданиями, в населенном теканнибалами промышленном районе, среди разгромленных руин великой арены, бой кипит яростнее всего.

В его крови горит жажда битвы. Он рвется в сражение. Запах фицелина и кордита заставляют его чаще дышать. Невзирая на риск, он хочет быть в самой гуще событий. Ведь именно так он правил все это время, именно так создал армию, которая на пике могущества покоряла во имя его целые звездные системы и ввергала миры Виридисского субсектора в новую Эру Тьмы.

В армиях Империи он был простым сержантом. Но освободившись от оков долга, он стал богом. Планеты содрогались от поступи его бронированных ботинок. Династии свергались от одного упоминания его имени.

Тогда-то он видит их в первый раз, пока идет к бреши – они возникают из клубящегося дыма, выкрикивая жалкие кличи в покорности Золотому Трону. К нему несется толпа солдат в черно-серой форме и пепельных бронежилетах, лазганы с примкнутыми штыками они держат на уровне бедра. Их даже не поддерживают огнем тяжелого оружия.

Он бы рассмеялся, не будь это настолько оскорбительно. Эти насекомые осмелились бросить ему вызов, здесь, на его мире. Они бегут к нему, словно дети, вооруженные только деревянными мечами и щитами.

Ему не требуется отдавать приказ – те, кто следуют за ним, знают, чего от них ожидают. Только одного.

Ревнителю, которые сражаются во имя его, заставляя врагов кровью платить за каждый пройденный метр. Просвещенные, воочию видевшие судьбу тех, кто противился его владычеству. Иконоборцы – некогда его собратья, а теперь телохранители, – помогавшие сотворить этот мир, и предопределить судьбу десятков ему подобных. Он просит у них только одного; одного, чего его лишили в прошлой жизни.

Верность.

Он возглавляет атаку, спускаясь сквозь дым по обвалу разрушенных стен, величественный и золотой, в

почерневшей от крови броне. На ней символами и рунами выгравированы непроизносимые имена тысячи невыразимых созданий, которые пылают и дымят расплавленным жаром.

За ним следуют личные телохранители – его Иконоборцы – Маймон и Пий, самые преданные из его последователей. Как и у него, их доспехи красно-черные и золоченые, на левых наплечниках вместо прежнего символа выгравирована керамитовая восьмиконечная звезда.

Позади них идет Кабаил, также известный как Отнимающий Черепа, и Гха'гур Нор Слитианец, который некогда входил в военную банду Гхоргота Угнетателя, а теперь Герольд Константина, самый преданный из Просвещенных, крепко сжимающий в бронированных перчатках Сокрушителя Врагов.

Лазерные лучи бессильно бьют по керамитовой броне, выдерживавшей клыки демонических хищников и даже обдирающие клинки выроodka-хелбрута. Его почетная гвардия даже не сбавила шаг.

Пять полубогов против вдесятеро большего количества гвардейцев; полубогов, которые сделали из звездного владения Человека то, чем оно было, а затем с такой же легкостью разрушили и создали заново. Захватчики станут колосьями под косой жнеца.

Оружие в руке гудит искусственной жизнью. Это инструмент разрушения, потрескивающий золотой клинок на эбеновой рукояти. Это оружие, которым он отрубил головы десяткам врагов. Это победитель чемпионов, убийца королей. В прошлом у него было много названий, но теперь оно откликается только на одно: Погибель.

Первый гвардеец умирает с жалкой молитвой Богу-Императору на окровавленных устах. Слова не в силах остановить Погибель, и меч разрубает человека от головы до паха.

Затем на кучку гвардейцев обрушиваются Иконоборцы, и растрескавшаяся земля орошается алой кровью смертных. Гудящий клинок Освободителя вспарывает бронежилеты с такой же легкостью, как отделяет мясо от костей и испаряет кровь. К ним идет что-то намного больше обычного человека – потный недочеловек-огрин, но он падает, как и остальные. Погибель пронзает верзиле грудь, энергетическое поле меча поджаривает увеличенное сердце мутанта искрящимся, словно солнечная корона, разрядом.

Он убивает с отточенной точностью. Он не издает яростных боевых кличей, не взывает к богам варпа. В этом нет нужды. То, что он совершает с помощью клинка и есть его жертва Силам, он пишет ее кровью тех, кто осмелился выйти против него.

Впереди ждет намного больше убийств, разбитая земля умывается жизненными соками имперских гвардейцев, исходящие паром потроха радуют Силы, из распоротых животов высыпаются внутренности, формируя образы, которые могут удовлетворить истинных повелителей вселенной.

Он чувствует грохот рушащейся статуи так же отчетливо, как и слышит. Старыми глазами он находит двор собора, где некогда располагалось Место Испытания, и видит, как циклопическое сооружение исчезает за дымящимися руинами рабочих жилищ с медленной неизбежностью утеса, падающего в море. Радостные вопли, которые доносятся до него следом, почти столь же громкие, как выстрел «Теневого меча» из орудия «Вулкан», поваливший статую.

- Они хотят освободить этот мир от меня? – урчит он, его доселе каменное лицо смягчается, и на губах появляется жестокая улыбка. – Пусть попробуют.

Личный транспорт Двар Гхоргота, «Бич миров», с лязгом останавливается перед разбитыми воротами, некогда обозначавшие вход во внутренний двор Экклезиархии, но теперь ведущие на арену.

У арены нет названия, оно ей не требуется. Достаточно того, что, понукаемые темными богами, сюда стягиваются десятки чемпионов со своими военными бандами, чтобы испытать себя против выскочки-императора этого беспокойного захолустного мирка.

Гхоргот выходит из транспорта, о его прибытии возвещают крики рабов-псайкеров и закованных и ослепленных жрецов, которых хлещут потрескивающими агонизаторами похожие на херувимов существа с лицами-черепами. Один из чернокрылых херувимов отделяется от остальной группы и судорожными, резкими взмахами крыльев устремляется за Хозяином Стаи. Поле брани украшают геральдические символы десятков ничтожных тиранов и корольков, чьи банды воинов теперь присягнули на верность более достойному.

Над узкими трибунами колизея возвышаются знаки из охлажденного кровью железа, рядом с ними красуются знамена из дубленых человеческих кож. Тысячи отступников, преданных Силам и поклявшихся следовать за властителем мира, во имя которого его сотворили, наблюдают, как Гхоргот выходит на арену. Некоторые взирают в холодном молчании, другие, словно звери, орут и воют, требуя его крови, все они – трофеи сотни предыдущих гладиаторских состязаний.

Хозяин Стаи выглядит блистательно в покрытой гравировками боевой броне. Под небесами, затянутыми дымом тысяч костров, рядом с горами костей и сброшенными в кучи закаменевшими доспехами он кажется настоящим подобием смерти, големом из древней кости. Он будто восстал из пепла и углей погребальных кострищ, дабы отомстить тем, кто освободил неверующих из оков лживых догм. В руках Двар сжимает цепной топор Интерфектор.

Гха'гур Нор не раз слышал, будто когда-то Двар Гхоргот был верным Ложному Императору, как прежде и властитель этого мира; до того, как после бойни на Рейвенскаре он не отринул клятвы братства вместе с остальными из Ордена Чаши.

Конечно, тогда Гха'гур Нор еще не знал Гхоргота. Его приняли позже, когда Орден Чаши стал Кричащими Черепами. Его забрали из племени во время рейда на планету, которая, как он позже узнал, называлась Литос-6, а затем имплантировали проклятое семя. Поговаривали, его обменяли у странствующего аптекаря из самих Детей Императора на тысячу человеческих рабов.

Гха'гур Нор выходит из «Носорога» вместе с элитой Угнетателей. Их боевая броня мало чем напоминает покрытые гравировками доспехи Двара. Некоторые облачены в доспехи сраженных жертв, или которые отняли в рейдах на миры, где отгремели великие сражения. На других сочетание брони, созданной магами-еретехами Ауретианской Схимзы, и реликвий, восходящих, наверное, до самой Темной эры технологий. Есть и такие, которые до сих пор носят части первобытных доспехов, привезенных ими с диких миров, откуда они родом. Но левые автореактивные наплечники каждого из них украшены меткой Двара, словно в насмешку над традицией, когда Кричащие Черепа еще были Орденом Чаши. Теперь все они носят символ восьмиконечной звезды с разделенным пополам человеческим черепом.

Гха'гур Нор окидывает взглядом многочисленные ряды сектантов и вассальных лордов, уже поклявшихся в верности Освободителю Константиума.

Статуя золотого полубога высотой в тридцать метров – созданная из расплавленных идолов и икон Лживой Веры, проповедуемой имперской Террой – взирает на всех собравшихся, но ее сверкающий взгляд особенно тяжело ложится на тех, кто пришел испытать силы против властителя мира. Голова

колосса склонена, ладони покоятся на рукояти огромного меча, готового свершить правосудие над всяким, кто явится за ним.

До Гха'нура Нора доходили слухи о случившемся здесь. Пред золотыми очами исполина лишь наиболее достойные чемпионы получали честь сойтись в бою с повелителем Константиниума. Приз, за который они сражаются, действительно достойный. Победитель забирает все, чем обладал побежденный – его воинов, снаряжение, боевые флоты и даже миры, которые поклялись тому в верности.

Но также Гха'гур Нор знает, что повелитель Константиниума пока не проиграл ни один бой. Некоторые говорят, что Освободитель помечен Силами, но кто из чемпионов варпа не получил такого же дара от истинных богов галактики?

В тени великого идола на троне из черного железа и сверкающего золота восседает фигура – настоящий великан – в заколдованных доспехах, с плеч которых ниспадает плащ из меха снежоклыка. Его голова непокрыта, на лице видны десятки дуэльных шрамов, оно словно алебастровый отголосок статуи, которая взирает со своей высоты на арену. Освободитель с враждебностью смотрит на Угнетателя и его свиту.

Властитель Константиниума поднимается с трона, и на кровожадную толпу опускается гробовое молчание. Гха'гур невольно испытывает уважение.

Затем Освободитель начинает говорить, его голос отражается от расколотых стен бывшего собора.

- Кто пришел сюда в поисках смерти и бесчестья?

Двар останавливается, свита выстраивается у него за спиной – стена гравированного керамика и стали. Личное знамя – череп в звезде – водружено на древко, которое поднимается из его доспехов, и хлопает на ветру, вздымающем в амфитеатре клубы пыли. У плеча Гхоргота машет крыльями херувим.

Гха'гур Нор чувствует, как накаляется атмосфера. Ему не приходилось раньше слышать, чтобы человек, полубог или кто-либо еще говорил с Хозяином Стаи подобным образом и прожил еще хотя бы мгновение.

Двар кивает, и уродливый сервитор с вороньими крыльями вспархивает к балкону, где стоит Освободитель, и откашливается.

- Имя моего лорда шепотом произносят на десятке миров. По его велению великие флоты, подобных которым не видели со дней Великого восстания, атакуют сами звезды. От его слабейшего недовольствия рушатся цивилизации и сгорают планеты. Он – опустошитель сотни миров, победитель в тысяче битв. Он – Двар Гхоргот. Угнетатель, бичеватель планет и Хозяин Стаи Кричащих Черепов.

Двар вжимает руну активации топора и встроенные в алмазные цепи окровавленные клыки тиранидов и карнозавров с пронзительным воем начинают пожирать воздух.

Гордые слова глашатая Двара тонут в шуме ветра, а затем раздается пустой звук хлопающих бронированных ладоней.

- Отважные слова, – говорит великан в красно-черных с золотом доспехах. – Но разве Двар Гхоргот, также известный как Угнетатель и Хозяин Стаи, не знает, что война здесь судят не только по его красноречию, но и по силе оружия?

- Тогда я бросаю вызов! – ревет Гхоргот, заставив умолкнуть херувима прежде, чем он успел заговорить.
- Я бросаю вызов тебе, Константин, которого иногда зовут Освободителем, а иногда –

Клятвопреступником. Я вызываю тебя на поединок.

По толпе культистов проносится резкий вздох. Кое-кто требует голову Двара, защищая честь своего владыки, и изрыгает проклятья на головы Кричащих Черепов.

- Сразись со мной, если осмелишься!

- Вопрос в том, Двар, - рокошет великан в позолоченных силовых доспехах, спускаясь по ступеням на арену, одна рука покоится на навершии меча в мастерски изукрашенных ножнах, - осмелишься ли *ты*?

Гха'гур Нор с интересом наблюдает, как великан ступает на смешанный с пеплом песок Места Испытаний. Он действительно великан, но огромным его заставляют казаться не только физические размеры. Это чувствуется в его походке и осанке, аура самоуверенности окутывает его, словно плащ из меха снежоклыка.

- Но пойми одно, Угнетатель, - произносит Константин Освободитель и достает золотой меч. Зрители колizeя ловят каждое слово властителя. - Победителю все богатства. Все воинство.

Гхоргот сжимает ревуший цепной топор в украшенных костями перчатках, и взмахивает оружием, выходя навстречу противнику.

- Его люди, боевые машины, оскверненные реликвии, корабли и все миры в его владениях.

- Хватит болтовни! - ревет Хозяин Стаи. Дуэлянты приближаются вплотную друг к другу. - Заткнись и сражайся!

- Да будет так, - заканчивает Освободитель, и Гха'гур Нор испытывает нечто, чего не знал уже долгое время. Он испытывает страх.

Он не может отвести взгляд. Его судьба, и участь Кричащих Черепов зависит от исхода боя.

Чемпионы поднимают оружие, топор и меч сталкиваются, вращающиеся зубья выбивают искры из гудящего лезвия.

Генетически усиленные мышцы напрягаются, сервоприводы силовых доспехов злобно скрежещут. Освободитель впивается острым, как адамантовый бур, взглядом в окаймленные костью глазницы череполокого шлема Хозяина Стаи и произносит последние слова, прежде чем начать бой.

- До смерти! И молись, чтобы обитатели варпа недолго пировали твоей проклятой душой.

Человеческая масса, собравшаяся перед расколотыми ступенями Великого Собора Сиртуса, кажется брату Маймону ужасным чудовищем, неким порождением внешней тьмы, единым телом с тысячьо скалящихся лиц. Зверь громадный, раздувшийся и злобный, ведомый собственной алчностью, он пытается утолить бесконечный голод.

Толпа жаждет изменить установившийся порядок. Люди хотят сесть на место тех, кто когда-то был выше их и от кого теперь остались лишь горящие костры оскверненной ксеносами плоти. Люди хотят править там, где раньше правили ими. Они хотят власти.

Брат Маймон знает только один способ укротить такого зверя - сломить его дух, заставить бояться. Для уважения требуется время, его нужно заработать, да и само оно может стать таким же непостоянным

созданием. Но страх неистребим. Страх постоянен. Страх может остаться навечно, если ты этого захочешь.

Жаждающая власти толпа заполонила площадь, бунтовщики ворвались во двор Великого Собора. Они подожгли город. Погибли тысячи, невинные и виновные умирали вместе, плечом к плечу.

Теперь Константин стоит перед зверем. Он неподвижен, словно статуя, невозмутимое и холодное выражение на его лице остается неизменным, словно отлито из стали, и пристально смотрит на чудовище. Чудовище, созданное им самим. Недалекие правители мира заслуживали смерти. Они продали свои тела и души другим, нечистым, противоестественным – чужакам. Сержант действовал без промедления, обезглавив выводок генокрадов, пока зараза культа не успела пустить глубокие корни среди жителей Нова Терры. Но население не видело всей полноты картины с той отчетливостью, что Сыны Жиллимана.

Разъярившись из-за массовой казни лидеров, проведенной Константином и его боевыми братьями, массы восстали. Космические десантники избавили неблагодарную толпу от скверны, владычества чужаков и в конечном итоге от ненасытного голода Пожирателя Миров, только затем, чтобы люди обратились против своих спасителей.

Маймон знает, что в тот момент все изменилось. Сыны Жиллимана умирали за этот мир, сражались во имя Императора против орд чужаков, и любой из Сынов был более достойным, чем бесчисленная толпа изменников.

Говорят, что на каждый из миллиона миров, из которых состоит Империиум, приходится по одному космическому десантнику, дабы спасти человечество от чужаков, еретиков и совращающих сил варпа. Еще говорят, что одного космического десантника на планету более чем достаточно. Но два десятка братьев из Четвертой роты Сынов Жиллимана отдали свои жизни ради единственного мира, Нова Терры, только чтобы те, кто остались сражаться с угрозой тиранидов – невоспетые и забытые всеми – столкнулись с последним позором.

Это было последнее бесчестье, финальное оскорбление, подтолкнувшее сержанта Константина переступить черту. Это было больше, чем мог вытерпеть обычный смертный человек или даже бессмертный Адептус Астартес. Если чернь Сиртуса хотела восстания, увидеть, как горит их мир, то отделение Константина даст им огонь.

Но восстание породило зверя, и последовавшие действия сержанта могли привести только к одному исходу. Вот почему Константин с боевыми братьями, более не Сынами Жиллимана, стоял сейчас перед толпой, готовый раздавить зверя. Сержант покажет толпе, кто здесь сильнее, у кого более крепкая воля, и кто кем будет править.

Среди них есть такие, кто поклялся в верности сержанту, увидев, что Константин и собратья совершили в районах города – гвардейцы, видевшие, как их товарищи-солдаты гибнут ради спасения Нова Терра от тиранидов, грабители, повстанцы, обездоленные, бывшие прислужники Экклезиархии и члены Адептус Арбитрес, расквартированные на планете. Они оценили то, что сделал сержант и его люди, то, что они были вынуждены сделать и почему. Теперь они идут за Константином, и уже даже начали называть его Освободителем.

Те, кто верует в него, собрались у его ног, на треснувших ступенях собора, их оружие – лазганы, ножи и все, что валялось на дороге – воздето в грубом проявлении мощи. За Константином стоит Маймон и его братья, Пий и Гектор, которые прибыли на планету вместе с сержантом и помогли ему изменить ее до

неузнаваемости. Космические десантники осматривают толпу людей – живого зверя, – сжимая в руках болтеры и огнеметы, они – бронированные олицетворения войны и гнева, мести и искупления.

Константин выглядит грозно в своих разделенных на четыре поля силовых доспехах и плаще из меха снежоклыка. В правой руке он сжимает силовой меч, его острие упирается в треснувший рокрит под ногами. Левую руку он пока держит за спиной, стискивая в железной хватке трофей.

Затем Константин начинает говорить и зверь узнает о жертве, на которую пошел его новый повелитель, то, что утратили люди, не может сравниться с его утратой во имя их. Он говорит о том, как предал все, за что когда-то боролся и о том, как благородные и отважные увидели в Имперской Правде ложь, которой она всегда и была.

Сержант от всей души возводит хулу на Императора и его приспешников, верные братья Константина вторят его словам. Маймон чувствует, как с каждой произнесенной фразой умирает частичка его естества.

Толпа громогласно кричит в ответ на слова сержанта. Больше они не Сыны лживого пророка Жиллимана, говорит он беснующейся толпе, они предали то, что означает слово «брат». Он увидел настоящее обличье Бога-Императора человечества, говорит он им, и понял истинную сущность вселенной. Он скинул ложных идолов в Великом Соборе, он и его Иконоборцы, и освободил боевых братьев из оков лживой веры, как освободит людей этого всеми забытого мира.

Тогда, и только тогда он показывает трофей, поднимает его высоко, чтобы толпа увидела, что он говорит правду и только правду.

Брат Маймон смотрит на отрубленную голову Антенора с холодным безразличием. Антенор не был верен. Он заплатил справедливую цену за неверность, как остальные. Ибо это единственное, что Константин Иконоборец, Константин Освободитель просил от них. Все, чего он хотел, это их преданность. Их доверие. Их верность.

Сиртус горит, его красивые улицы утопают в крови и забиты восставшими людьми. В дальних районах промышленного квартала пылают храмы-мануфактории, где остатки культа ведут последний бой против гнева Императора, воплощенного в форме его лучших воинов.

Закоулки торгового района очистили болтером и огнеметом, а также размещенными в нужных местах термическими зарядами. Каждый метр города пришлось отбивать с боем, но в живых теперь не осталось ни одного гибрида и чистокровного крада.

Очищение Сиртуса далось непросто. Из десяти воинов, которые поднялись на вулканическое плато мира и огнеметами, мечами и болтерами зачистили базальтовые пещеры, только восьмеро вернулись на разгромленную площадь, укрытую в рваных, угольно-черных тенях дворцов местной аристократии. Именно правящая верхушка города первой встретилась со всей мощью божественного воздаяния Императора, ведь она первая утратила веру в Него, предавшись заражению ксеносов. Скверна запятнала семьи правящих классов Нова Терры. Но, охваченное праведным жаром, отделение Константина действовало без промедления, выследив зараженных существ, выкорчевав зло и искоренив все признаки культа. Все чудовища погибли, и угрозы пришельцев более не существовало.

На этом очищение Сиртуса должно было закончиться.

Но если бы дело было только в этом, размышляет брат Антенор, пока отделение Константина собирается

в центре усеянной обломками площади, оружие в их руках еще раскалено после боев, оно покрыто кровью и внутренностями врагов, и требует серьезного ухода и освящения.

Аntenор вместе с братом Каином поднимается по груде треснувших обломков в северном конце площади. Брат Маймон входит с востока, через разбитую колоннаду, брат Гектор огнеметом проверяет руины альковов. Братья Диомед и Паламед присоединяются к ним из тени треснувшего имперского орла. Оказывается, сержант уже ждет их, скрытый из виду под вычурно украшенной аркой, ее оштукатуренный фасад покрыт следами от пуль. Позади него стоит окровавленный и согбенный брат Пий.

Аntenор слышит вдалеке треск огня, который поглощает целые секторы города, а также крики грабителей и безумцев, бегающих по торговым зонам и некогда величественным улицам Сиртуса.

Восемь воинов вновь воссоединяются. Но пока сержант разглядывает своих боевых братьев, Антенору становится не по себе – вокруг него будто упало давление, или доселе дремлющие псайкерские способности пытаются предупредить, что что-то неладно. В подсознание закрадывается предательская мыслишка, будоража поверхностные думы. Антенор понимает, что никогда раньше они не казались такими разобщенными, их узы братства еще не были менее слабыми. Менее связывающими.

Свободной рукой сержант отключает магнитные замки, удерживающие шлем на шейном кольце силовых доспехов, снимает его и застегивает на поясе. В другой руке он крепко сжимает силовой меч. Константин поочередно оглядывает каждого из них твердым, как гранит, взглядом. Но когда он смотрит на него, Антенор замечает в глазах сержанта нечто новое: пламя, которого воин раньше там не видел. Сержант всегда был преисполнен страстной праведностью, уважительным стремлением проследить, чтобы ни один преступник не остался безнаказанным, но сейчас в его взгляде было что-то другое. В горле Антенора вдруг пересохло.

Кровь сержанта кипит, но дух его более не распаляет стремление исполнить волю Императора, теперь это всепожирающий огонь ненасытной ярости и жажды крови.

- Рад встрече, Сыны мои, - говорит сержант, на его губах играет жестокая улыбка. Его сине-серебряные доспехи стали черно-красными, опаленными пожаром, через который ему пришлось идти, убеждаясь, что в городе не осталось тех, кого он объявил еретиками. От энергетического лезвия силового меча, покрытого кровью и внутренностями, поднимался пар. - Как проходит кампания?

- Она идет хорошо, брат-сержант, - отвечает брат Маймон, и Антенору кажется, что он говорит с чрезмерным удовольствием. - Эти неблагодарные еретики не забудут цену предательства. Те, кто еще живы.

- Отлично, отлично. Я вместе с братом Пием очистил еще с полдюжину секторов огнем, болтером и мечом, - гордо заявляет сержант.

- Такова цена предательства, - торжественно говорит Пий, словно понтифик, зачитывающий слова с передвижной кафедры.

- А что же остальные? О чем есть доложить тебе, брат Антенор? Брат Паламед? Как движется ваша священная работа?

- Мне горько слышать, что вы называете творящееся здесь священной работой, брат-сержант, - с тяжелым сердцем отвечает Антенор, понимая, что этого ему не следовало говорить.

- Почему же? – голос Константина превращается в утробный рык, который мог издать загнанный в угол карнодон или разъяренный грокс.

- Потому что ваш приказ идет вразрез с учениями священного *Кодекса*, это плевок в лицо всем клятвам, которые мы дали, став Сынами Жиллимана.

- Мы дали предбоевые обеты, когда впервые ступили на этот позабытый Императором мир, - заявляет Константин, его слова становятся громче, в них чувствуется злоба, - и это мгновение длилось три долгих года. Я поклялся освободить планету из объятий Великого Пожирателя, как и ты, брат Антенор, как все мы. Ты забыл это?

- Нет, брат-сержант, не забыл, и благодаря безустанному следованию этому обету угрозы тиранидов для Нова Терры боле нет.

- Да, но вместо нее пришла скверна ереси! – рычит Константин. – Люди этого мира не лучше червей, которые пиршествуют на плоти наших покойных братьев, благородных сынов вроде брата Игнация и брата Люциана. Эти отребья не ценят тех, кто спас их от участи, которая хуже проклятья. Мы – стражи человечества, но человечество не заслуживает нас. Люди Нова Терры в неоплатном долгу перед нами. Но что еще хуже, мы освободили их от тирании чужаков, а они восстали против нас. Поэтому мы должны научить их, чтобы они поняли ошибочность своих заблуждений.

- Мы здесь закончили, Константин. Культ побежден, последние из выводков тиранидов уничтожены. Мы должны покинуть Нова Терру и отправиться в искупительный крестовый поход за свои прегрешения, чтобы искать прощения Императора за преступления, которые мы совершили здесь во имя Его.

- Прощения? Я прощен всякий раз, когда купаюсь в крови еретиков и предателей, - рычит сержант, не сводя глаз с брата Антенора.

Его слова повергают в ужас.

- И ты примешь меня, одного из своих боевых братьев, под это знамя?

- Зависит от того, что ты решишь. Брат, - никогда прежде слово «брат» не было настолько лишено чувства братства. – Как учит Кодекс, действия говорят громче любых слов.

- Так тому и быть, - с глубоким вздохом говорит Антенор. – Я преданный сын примарха, и Робаут Жиллиман наверняка отвратит свой лик от ужасов, свершенных нами над жителями этого мира. Я прошу у отца-примарха и самого Императора о прощении. И, в завершение, я должен выйти из состава отделения Константина.

- Что? – смеется сержант. – Ты не можешь. Ты сможешь выйти из-под моего подчинения, только если наши повелители решат повысить тебя в звании – если наши повелители вообще захотят нашего возвращения на Цикладу, - или кто-то из нас умрет.

С еще большей тяжестью на сердце Антенор обреченно произносит следующие слова.

- Так тому и быть.

- Так тому и быть? – выражение Константина говорит намного больше любых слов. – И ты говоришь за себя одного, или есть и другие, кто чувствует то же самое?

Сержант гранитным взглядом осматривает остальных.

- Никогда! – заявляет Маймон. – Я последую за вами хоть в самое Око Ужаса, мой лорд!
 - Так и может случиться, - предупреждает его Антенор.
 - Как ты смеешь? – рычит Маймон, и его болтер находит новую цель.
 - Нет! Брат Антенор прав, - говорит Диомед, его голос столь же тяжелый и холодный, как мрамор. – Мы нарушили обеты ордену. Нам следует покаяться и искупить грехи.
 - И мы живем и умираем в братстве, - цитирует Пий одно из писаний. – Брат-сержант, мой болтер всегда на вашей службе.
 - Что скажешь ты, брат Гектор? – спрашивает Константин. – За кого ты?
 - Конечно, я за вас, брат-сержант. Узы братства делают нас теми, кто мы есть. Без боевых братьев мы никто.
 - Хорошо сказано, брат! – произносит Пий.
 - Что же ты, брат Паламед? Мы вместе сражались под стенами Бурранакса, и против тау на Нуменоре Шесть. Кому ты верен?
 - В первую очередь я верен Золотому Трону, потом величайшему из его сынов, Робауту Жиллиману, и только затем своему ордену. Когда приказы моего сержанта противоречат кредо высшей власти, то он мне больше не командир. Паламед, отличный оратор, выложил свое мнение столь же четко, как другие.
 - Хорошие слова, - говорит Константин, - но чего они стоят, когда орден оставил тебя, хотя ты не совершил ничего дурного?
 - Мы не знаем точно, в чем дело, - просто отвечает Паламед.
 - Я долго и упорно сражался, чтобы спасти этот мир от Великого Пожирателя, а затем еще три года – без наград и похвалы – по требованию ордена спасти его опять. Я не прошу вознаграждения, а только того, чтобы меня помнили. Ничего большего я не хочу. Я не заслуживаю меньшего.
 - Ты? – слова сержанта беспокоят Антенора. У слов есть сила. Такой силе очень быстро подчиняешься. – Все мы проливали кровь за Нова Терру.
 - Нова Терру? – рычит сержант. – Я пролил за этот мир столько крови, ради него погибло столько моих братьев, что его теперь впору называть Константиниумом.
 - Вы ведь шутите?
 - Константиниум, Антенор! В честь павших братьев отделения Константина!
- Антенор вновь оглядывает площадь. Пока шел спор, братья подтянулись ближе к тем, чьи взгляды они разделяли. Лишь брат Каин, последний, кто присоединился к тактическому отделению Константина, стоит поодаль.
- Брат Каин, настало время ответить, кому ты верен, - говорит сержант, указывая закованным в керамику пальцем на юного космического десантника. – Давай, присоединяйся ко мне.
 - Как бы больно мне ни было говорить это, - дрожащим голосом отвечает Каин. – Я не могу.

- Ты не можешь?

- Я шел с братом Антенором по горящим улицам и видел зло, совершенное нами – не во имя Императора, а ради мести и кровавого упрямства.

Последние восемь Сынов Жиллимана на раздираемой враждой планете стоят лицом друг к другу среди дымящихся развалин дворцов знати, которые почерневшими пальцами поднимаются в небеса, словно в безмолвном обвинении сержанта.

- Тогда мы зашли в тупик. Братя, - говорит Константин, обращаясь только к тем, кто еще стоит с ним. - Предатели раскрыли свою сущность. И снова мы столкнулись с изменой на этом адском мире, изменой, которую следует вырезать, как гноящуюся опухоль.

- Не делай этого, - предупреждает Антенор, когда Паламед, Каин и Диомед встают рядом с ним. - Если переступишь черту, обратного пути не будет.

- Обратного пути не осталось, когда вы предали сержанта! - вспыхивает Пий.

- Ты пересек эту черту давно, - рычит Константин. - Предатель.

В этот момент вселенная переворачивается навсегда.

- Братя! - громогласно произносит Константин. - Враги раскрыли себя. Предатели отреклись от тех, кто посвятил себя работе, которую нам еще предстоит здесь закончить. Поэтому я говорю вам, братя, не потерпите предателя!

Болтганы целятся, на огнемете брата Гектора зажигается огонек, клинок Константина вспыхивает смертоносной жизнью.

- Сыны Жиллимана, - кричит в ответ Антенор, решительно смотря на сержанта-отступника, его палец твердо лежит на спусковом крючке трижды освященного болтгана. - Помни, Сиртус. Помни, Нова Терра!

С этими словами они бросаются в бой.

Пещеры гудят от какофонии боя, грохота болтерного огня, резкого треска осколочных гранат и чужеродных воплей тиранидов. Сама земля кричит, содрогаясь под ногами, она стонет и обрушивается под ударами, настолько сильна ярость ближнего сражения, которое охватило лавовые туннели.

- Гнездо выводка зачищено! - трещит по воксу голос брата Игнация. Лишь благодаря комм-системам шлемов космические десантники из отделения Константина могут слышать друг друга. Согласно показаниям ауспика Гектора, искажение - результат геомагнитных помех, но это не мешает воинам выполнять свою работу.

- Во имя Императора, граната! - раздается голос брата Пия.

Услышав предупреждение боевого брата, Люциан пригибается, одна рука ложится на крылатый символ U на нагруднике, на миг он закрывает глаза и возносит хвалу Отцу Жиллиману, вновь прося примарха приглядывать за ними, пока они совершают священную миссию на Нова Терре. Пещеры сотрясаются от очередного сейсмического толчка, от которого вздрогнула сама кора планеты. Секунду спустя вырывается поток пламени, облизывая поножи и нагрудник его сине-белой боевой брони, пока Люциан раз за разом перечитывает молитву защиты.

Пламя гаснет, и Люциан опять поднимается на ноги, сжимая в руке покрытый молитвенными письменами болтган, с его губ срывается брань, в сердце пылает неугасимый гнев.

В исчезнувшем кратере вулкана что-то горит. Что-то кричит от боли и ярости. Танцующие тени прыгают и проносятся на стенах, озаряемых мерцающим огнем.

Пий растревожил еще одно гнездо спящих ксеносов, выведя их из биостазисной дремы. Они злы, словно шершни, чей улей разворотил сонный грохот, и они идут к ним.

Но Люциан и его братья готовы.

Увенчанные гребнями, удлиненные черепа и мощные когтистые конечности отбрасывают странные тени на неровные стены туннелей. Гаснущие огни отражаются от обсидиановой чешуи и блестят в черных, лишенных век, сферах чужацких глаз.

Генокрады стрекочут и чирикают, надвигаясь на них. Четверо космических десантников перекрывают вырезанный магмой туннель линией непробиваемого керамика. Брат Каин, как и сам Люциан, держит в руке болтган; брат Пий в одной руке без труда сжимает болтер, в другой – чеку осколочной гранаты; Игнаций целится из закоптившейся плазменной пушки прямо в сердце приближающегося вывода.

- Во имя Жиллимана, огонь! - перекрикивает Люциан вопли ксеносов.

Грохот болтерного огня отражается от базальтовых стен, сопровождаемый треском панцирных экзоскелетов и гулками разрывами массореактивных снарядов.

Меткость Люциана выделяет его даже среди Адептус Астартес. Ни один выстрел не уходит впустую – болтерные снаряды пробивают глазницы, разрывают сердца чужаков и разрубают позвончики, каждый его выстрел – смертельный.

Пий более рассудительный и сдержанный, он тщательно целится перед каждым выстрелом. Генокрады падают на пол, исчезая под массой тел других существ. Те из них, которые бегут следом и не успевают вовремя отреагировать, падают следом.

Брат Каин, последний, кто присоединился к их отделению и еще недавно служивший в скаутской роте ордена, за то время, что части Четвертой роты сражаются на Нова Терре, стал настоящим ветераном. Стойкость и необходимость сделали из него опытного охотника на тиранидов.

Еще брат Игнаций. Он и Люциан вступили в отделение Константина одновременно, на заре Ласкаррских посадок. Хотя другие видели в Люциане естественного преемника Константина, если случится немыслимое, хотя сам Люциан высоко ценил сержанта, но именно Игнацию поручена чести нести в бою почитаемую реликвию ордена.

Тела ксеносов перекрыли лавовый туннель, и брат Пий бросает в вопящую массу гранату. Люциан только и успевает прошептать «Император защищает», когда она взрывается.

Ударная волна забрасывает космических десантников кусками генокрадов, по грязной боевой броне стучат копыта, гребни на черепах и ошметки конечностей.

Игнаций подавляет крик.

Люциан бросает на него взгляд.

Из его правого бедра торчит бритвенно-острый кусок хитина.

- Кости Жиллимана! - бранится Игнаций, проверяя заряд плазменной пушки. Она пока не готова. Из воина снова вырывается поток брани.

Когда дым и пыль рассеиваются, а дисплей шлема восстанавливает работу после взрыва, Люциан видит вторую волну ксеносов, которые бегут по туннелю прямо в огневой мешок.

Чистокровный перепрыгивает упавших сородичей, мощный скачок проносит его над траекторией огня. Он приземляется на брата Каина, его когти скребут по боевой броне. Болтган боевого брата бесполезен на таком расстоянии, поэтому Каин выпускает оружие из рук, в тот же миг правой рукой достает боевой нож, а левой закрывает пасть существа.

Каин бьет ножом по горлу монстра, и генокрад извивается в его хватке. Первый удар сносит переднюю часть морды существа вместе с розовато-черным языком. Оно издает ужасающий вопль, когда Каин размахивается и бьет снова. Космический десантник и генокрад падают на землю.

Брат Каин сбрасывает с себя монстра, когда существо начинает биться в смертельных судорогах. Нож погрузился по самую рукоять в узел ганглий и вещества, которое служит генокраду мозгом.

Люциан наблюдает за происходящим краем глаза, делая выстрел, который сносит половину черепа еще одному чистокровному.

- Не потерпите нечистого, - кричит Пий, - не опорочьте честь Императора!

Братья из отделения Константина нередко говорили, что рано или поздно Пия примут в ряды избранных капелланов ордена. Он подчеркивает свои гневные слова очередями из болтгана.

- Слава примарху! - грохочет по комм-сети голос Игнация. Люциан узнает резкий гул, исходящий от оружия-реликвии, которое сжимает в руках боевой брат.

Плазменная пушка стреляет, и поле боя исчезает в свете, ярком, словно ядро звезды. Тираниды гибнут десятками. Бронированные панцири лопаются, мягкие ткани плавятся, из сердца взрыва испаряется чужацкий ихор. Мерцающие силовые катушки оружия гаснут до тусклого ультрамаринового свечения, когда запасы плазмы вновь расходуются.

- Меткий выстрел, брат Игнаций, - говорит Люциан, убивая последних генокрадов прицельными очередями болтерного огня.

- Примарх да возрадуется.

- Никто не выстоит перед сияющим пламенем священного гнева Императора, - произносит брат Пий.

- Как и от выстрела из плазменной пушки, - добавляет брат Каин.

К ним бросается горящее существо. Оно громадное, хитиновый панцирь матово-черный, как у обычных генокрадов, брюхо такое же болезненно-белое.

Люциан не уверен, является ли это существо именно генокрадом, как все остальные - мутировавшее до громадных размеров вследствие гиперэволюции чужаков, чтобы заполнить пустоту, образовавшуюся после отбытия осколков флота тиранидов тремя годами ранее, - либо же это какая-то иная, ранее неизвестная ксеноформа. Понятно только то, что оно горит и движется прямо на них.

Существо такое огромное, что заполняет весь лавовый туннель. Оно несется к ним сокрушительными шагами, гигантские серповидные руки-когти разрывают воздух перед собой. Оно издает ужасный вопль, звук, который кажется чрезмерно пронзительным для чего-то настолько крупного и чудовищного.

Игнаций готовится выстрелить в монстра из плазменной пушки, но она еще перезаряжается после того, как уничтожила большую часть выводка генокрадов.

- Во имя Жиллимана! - Люциан слышит возглас Игнация, прежде чем пылающая конечность - скорее бритвенно-острый хитиновый меч, нежели органический отросток, - с поразительной скоростью обрушивается вниз, оставляя дымящийся след, и вскрывает силовые доспехи боевого брата от наплечника до бедренного щитка.

Игнаций падает, его тело разрублено на две половины. Плазменная пушка с гулким стуком приземляется следом. В брате Люциане закипает ярость.

- Как один! Как все! - кричит Люциан, целясь в зверя из болтгана.

Попадание в любого другого генокрада стало бы смертельным. Но массореактивные снаряды взрываются на хитиновой шкуре огромного зверя, не оставляя ничего, кроме вмятин на броне цвета обсидиана.

- Зубы Жиллимана! - Пий отшатывается от устрашающей правды, с которой им пришлось столкнуться.

В их сторону направляется еще одна конечность, похожая на уродливый шар из хитина, за которой клубится дым и плазменный огонь. От силы удара Люциан отлетает в туннель и тяжело прикладывается головой о шероховатую базальтовую стену.

Шлем принимает большую часть удара на себя, на пару мгновений перед глазами темнеет. В этот момент он видит сине-белую фигуру, сияющие доспехи которой подсвечиваются темно-оранжевым свечением, взбирающуюся на спину чудовищу. Едва бронированная фигура добирается до головы тиранида, в ее руках вспыхивает искрящийся силовой меч, и его гудящее лезвие одним ударом рассекает хитин, сухожилия, кость и пищеводные каналы.

Внушительная фигура с развевающимся за спиной плащом из меха снежоклыка приземляется на пол, базальт расходится трещинами под керамитовыми ботинками мстительного ангела. Секунду спустя голова тиранида падает в фонтане ихора.

Необычайно крупный зверь выводка продолжает рвать когтями воздух, и один дергающийся удар пробивает Пию нагрудник, оставляя ужасную рану. Затем тело валится на землю, желтовато-белая жидкость, которая играет роль крови, вытекает из разрубленной шеи, плазменные огни, наконец, гаснут, и обезглавленный зверь еще пару секунд извивается от мышечных спазмов.

Сержант Константин поднимается во весь свой огромный рост, плащ больше не развевается. Он поочередно смотрит на Люциана, Пию, Каина и мертвого Игнация, за личиной шлема не видно никаких эмоций.

- Брат-сержант! - радостно кричит Люциан, трясая головой и вновь поднимаясь на ноги. - Слава примарху!

- Рад встрече, брат Люциан, - выжившие после нападения собираются вокруг сержанта, словно радостные дети возле пришедшего любимого дяди. - Брат Пий. Брат Каин.

- Брат Игнаций... - говорит Люциан.

- Не будет позабыт, его имя станет в один ряд с почитаемыми героями, которые отдали свои жизни ради этого мира, ибо от их рук полегло великое множество ненавистных чужаков, не сумевших сравниться с ними в силе и мстительном гневе.

К ним подошли остальные воины отделения Константина, следующие за сержантом из глубин туннелей.

- Брат Гектор, - произносит сержант, обращаясь к одному из новоприбывших воинов, который заботливо придерживает левую руку - Люциан замечает на керамитовой перчатке следы сильных укусов, - что говорит машинный дух ауспика?

Космический десантник сверяется со сканером, который сжимает в руке. Секунду спустя он отвечает.

- Пещеры чисты, сержант Константин.

- Ты уверен?

- Да, брат-сержант, я просканировал дважды на разных частотах, чтобы убедиться.

- Тогда хвала Императору. Наша работа завершена.

В воздухе витает осязаемое чувство облегчения и радости.

- Заберем тело погибшего брата и вернемся на «Страстное пламя», чтобы сохранить его генетическое семя, и сообщим ордену, что Нова Терра очищена от ксеносов.

- Брат-сержант, - вмешивается брат Паламед. - Я проверил несколько передач Адептус Арбитрес в имперской вокс-сети. Сигнал слаб, но мне удалось понять суть.

- В чем дело, брат? - спрашивает сержант. - Что ты хочешь нам сказать?

- После того, как осколок флота отошел от берегов Нова Терры, выводки генокрадов залегли не только в гнездах на вулканическом плато.

Атмосфера радости мгновенно улетучивается.

- Брат, - говорит Константин, его голос превращается в зловещий утробный рык. - Выражайся яснее. Что ты хочешь нам сказать? Ты говоришь о, - сержант колеблется, - активности культа?

- Боюсь что так, брат-сержант, - подтверждает Паламед, из-за извиняющегося тона кажется, будто он сознается в собственном прегрешении.

- Этот мир еще не освобожден от скверны ксеносов, - мрачно произносит сержант Константин, - и наша работа еще не окончена.

Внезапно он воздевает над головой меч и грохочущим, словно орбитальная атака, голосом, дает новый предбоевой обет.

- Я не познаю покоя, покуда этот мир не станет свободным!

Повернув запястье, Фаурхард бьет цепным мечом, заостренные адамантиевые зубья рвут шею ближайшему маниакальному сектанту. Но там, где под расколотым сводом Великого Собора Сиртуса

падает один богохульник, на его место встает дюжина других.

На них надвигается орда падших фанатиков, вооруженных только затупленными ножами и безумной верой, будто они каким-то чудом смогут победить Железных Рыцарей.

На сектантах почти нет доспехов или какой-либо одежды. С них грязными лохмотьями свисают робы, виднеющиеся участки кожи покрыты разнообразными богохульными символами. Некоторые из них – татуировки, другие – незажившие шрамы, вырезанные острием ножа или обломанным ногтем. Стоит Фаурхарду слишком долго смотреть на эти знаки, как все внутри него сжимается.

Флагеллянты выкрикивают богохульства своим непроизносимым хозяевам, пока волна за волной обрушиваются на космических десантников, но броня нерушимой, отвратительной веры не в состоянии спасти их от клинка Фаурхарда и гнева Императора, который несут его братья-рыцари.

Из толпы возникает лысый мужчина, с макушки черепа которого снят скальп, обнажив окровавленную кость с вырезанной на ней руной-звездой архиврага.

Фаурхард погружает меч в живот человека. Сектант захлебывается кровью, нечистые слова, которые были готовы сорваться с его губ, тут же обрываются. Но дикость во взгляде человека никуда не исчезает, радостная, акулья улыбка превращает его лицо в ужасающую маску.

Сектант хватается за цепной меч и резко тянет его на себя. Из его рта струится темная кровь, человек содрогается, но тащит себя по клинку. Теперь, когда из живота торчит только рукоять, фанатик тянется к Фаурхарду, и скребет по его шлему изломанными, окровавленными ногтями, на его лице играет все та же безумная улыбка.

Железный Рыцарь поднимает болт-пистолет и разносит череп безумца единственным выстрелом. Страхнув с цепного меча обмякшее тело, он разворачивается, чтобы встретить атаку еще одного спятившего глупца, стремящегося к быстрой смерти.

Не далее чем в пяти метрах от него брат Аднот сжимает в руках голову женщины и срывает ее с плеч, артериальная кровь, фонтаном бьющая из шеи, остается на его серой боевой броне, нечистая кровь богохульницы крестит всех их.

Справа от Фаурхарда проносится стальная молния, и брат Нигель убивает бормочущее, извращенное существо одним ударом бесценного клинка-реликвии.

Брат Урс со звериным ревом вонзается в толпу сектантов, разбрасывая самоубийственных служителей Губительных Сил и круша им черепа бронированными ботинками.

Еще одна очередь болтерного огня, и очередное тело содрогается в пляске смерти, прежде чем упасть на землю и застыть. А затем убивать становится вдруг некого, растрескавшаяся земля пропитывается кровью богохульников.

Сержант Фаурхард смотрит на изувеченные, изломанные и сокрушенные тела, вновь задаваясь вопросом, кто мог согласиться на подобную жизнь – и на такую смерть: их тела покрыты нечистыми символами, плоть начала гнить, разумы и души наполнены скверной вместо служения Императору и Империи.

Он не знает, что хуже – то, что слабовольные люди могут поддаться такой порочности, или что существо, которое они почитают за владыку этого мира, некогда было сержантом, а также одним из избранных

Императора, генетическим наследником почитаемого примарха Жиллимана. Верным космическим десантником.

Этот так называемый Освободитель наверняка знал, что как только он нарушил обеты братства, отвернулся от Императора и отринул священную истину, существовавшую между ним и его магистром ордена, рано или поздно этот день придет.

- Братья, - произносит Фаурхард, вокруг него кольцом собирается отделение. - Дадим предбоевой обет, дабы возобновить клятвы, данные нами по прибытию на этот адский мир - мы не познаем покоя, покуда голова предателя не украсит стены нашей твердыни. Клянемся!

- Клянемся! - яростно прокричали Железные Рыцари вслед за сержантом.

- Богохульный идол Иконоборцев разрушен, и спустя тринадцать лет непрерывных сражений его войска бегут. Теперь этот собор также очищен от его жалких последователей. То, когда Император укажет нам путь к месту, где нас ждет архипредатель, лишь вопрос времени. С его гибелью мы возвратим сей мир Императору. В этом я клянусь!

Нестройный ответ рыцарей отражается от разбитых колонн некогда величественного здания, словно рев «Громового ястреба».

- Клянемся!

- Бдительность! Отвага! Мечь! - кричит Фаурхард, и собратья повторяют клич ордена. - Да будем бдительны к измене и безжалостны в наказании тех, кто отвернулся от света Императора, когда мы принесем им божественное воздаяние.

Фаурхард поднимает цепной меч, его острие словно достает до адских облаков крови и дыма, окутавших разрушенный город.

- Ибо я не познаю покоя, покуда этот город не станет свободным от тирании. Клянусь!

ИЗРЕЧЕНИЕ

На этих страницах речь пойдет о темной легенде Константина - иногда называемого Клятвопреступником, иногда называемого Иконоборцем, - брата-отступника из благородных Сынов Жиллимана...

Переименовав мир на Константинциум, бывший сержант вверг покоренные владения в век анархии, тьмы и кровавых жертвоприношений. Не удовлетворившись тем, что он посвятил Губительным Силам только один мир, предатель начал кампанию безжалостной резни и ужасных погромов, которая захлестывала планету за планетой, систему за системой, пока на протяжении десяти коротких лет ему в верности не присягнул весь Виридисский сектор.

Потребовалась объединенная мощь трех орденов Космического Десанта, двенадцати оснований Имперской Гвардии, целого боевого флота, агентов Оффисио Ассассинорум и всесильного Ордо Еретикус, чтобы в конечном итоге отвоевать планету. Но кровопролитие закончилось только со смертью самого предателя Константина.

Даже сейчас, спустя почти три столетия после окончания его тирании, поговаривают, что на вулканических плато до сих пор скрываются культы-банды повстанцев, которые укрываются в лабиринте лавовых туннелей. Именно из этой запутанной системы пещер они ведут партизанскую войну против богобоязненного населения Нова Терры. Именно в этих пещерах они совершают жертвоприношения ужасным богам во имя Константина Освободителя – человека, имя которого навсегда останется пятном на славе благородных Сынов Жиллимана.

Из трактата *Quis Custodiet Ipsos Angeles Mortes?* Гидеон Лорр, инквизитор, Ордо Еретикус

Источник — [https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Освободитель_/_Liberator_\(рассказ\)&oldid=4975](https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Освободитель_/_Liberator_(рассказ)&oldid=4975)

Эта страница в последний раз была отредактирована 4 октября 2019 в 21:50.